

“ПОТЕРЯ” ТРАДИЦИОННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

© 2010 г. В. И. Пищик

*Кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой “Психология”,
руководитель проекта “Гуманитарные технологии в бизнесе
и управлении” НОУ ВПО, Институт управления, бизнеса и права, Ростов-на-Дону*

Представлена точка зрения автора на трансформацию ментальности поколений коллективным субъектом. Анализируются характеристики традиционной субъектности. Обосновывается предположение о том, что в современном мире ей на смену приходит инновационная субъектность.

Ключевые слова: трансформация, ментальность, субъектность, традиционная/инновационная субъектность, потеря традиционной субъектности, советское, постсоветское поколение, коллективный субъект.

ТРАДИЦИОННАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Проблема трансформации ментальности поколений в современном мире приобретает большую актуальность. Если вопросы изменения традиционных культур глубоко исследовались в социологии, культурологии и антропологии [19, 30, 31, 36], то в психологии проблема изменения традиционной субъектности поколений изучена мало. Впервые понятие “ментальность” было обосновано в исторической школе “Анналов” (Ф. Бродель [10], М. Блок [12], Ж. Дюби [16], Л. Февр [38]), которые описывали ментальность как мыслительную, духовную субстанцию, характерную для всего общества и отдельных его слоев, определяющую его картину мира и поведение. Они доказали наличие объективного бытия ментальности как объективно-духовной структуры. При этом полагалось, что ментальность как система образов, представлений определяет социальные отношения. Настоящий этап развития понятия “ментальность” связан с определением истоков ее социокультурного и национального бытия (К.А. Абульханова-Славская, 1997; Ю.И. Аверьянова, 1996; Г.В. Акопов, Т.В. Иванова, 2003; Р.А. Додонов, 1998; И.Г. Дубов, 1994; Б.А. Душков, 2001; К. Касьянова, 1994; З.В. Сивевич, 1999). В решении проблемы ментальности утвердились типологический и кросскультурный подходы [1]. Границы феноменологии ментальности прослеживаются в своеобразии видения и понимания мира [4]. В нашей работе интегрируются

социокультурный и системный подходы, что позволяет расширить круг рассмотрения проблемы трансформации ментальности.

Понимая ментальность как сложное образование, основу которого составляет согласованность доминирующих, нормативно закреплённых систем значений, смыслов и ценностей образа мира поколения, проявляющихся в его жизненном мире [28, 29], мы полагаем, что ментальность может выступать одной из форм субъектности [28]. Следовательно, при смене ментальности советского и постсоветского поколений может изменяться их субъектность. Поколения мы представляем как социальную группу людей, объединённых общей картиной мира, образом жизни, сходным репертуаром коммуникативных стратегий, общими стилями мышления, культурно-исторической ситуацией развития, и относим к коллективным субъектам.

К.А. Абульханова-Славская, давая определение субъектности, выявила качества, модальности человека как субъекта, выражающие сущность и способ его существования [2, с. 407]. Она акцентирует внимание на развитии, отчуждении, взаимозависимости, инициативности и сохранении целостности субъекта. Автор выделила три вектора жизни личности как субъекта: 1) способ самовыражения, 2) способ самореализации в жизни и в социальной действительности через ее организацию и самоорганизацию, 3) способ развития и саморазвития как индивидуальности, идущий по восходящей [3, с. 442]. Соглас-

но И.Г. Петрову [26, с. 112], характеристиками субъекта являются: 1) свобода выдвижения альтернатив, свобода выбора решений и их принятия, 2) исполнение свободного волеизъявления, 3) рефлексия исполненного, 4) преобразование реальной действительности, 5) саморазвитие, самоактуализация, самореализация, 6) смыслы и осмысленность этих характеристик. В.А. Петровский определяет субъектность человека как “свойство самодетерминации его бытия в мире” [27, с. 3]. Обобщая вышеизложенное, можно назвать следующие составляющие субъектности коллективного субъекта: самодетерминация, саморазвитие, самоактуализация, самовыражение, самореализация, т.е. некоторые самодеяния коллективного субъекта.

Исходя из концепции модусов сознания – типов ментальности В.И. Тюпы [37] и полиментальности В.Е. Семенова [34], можно сказать, что в результате смены общественного строя происходит смена типа ментальности и типа субъектности поколений. Субъект, который придерживается норм и правил определенной культурной традиции, обладает *традиционной субъектностью* и *традиционной ментальностью*. Мы полагаем, что советские поколения обладают традиционной ментальностью. Результаты многочисленных исследований традиционных культур [15, 17, 19, 21, 31] показывают, что такая субъектность возникает на основе коллективистских норм и правил. У данного субъекта преобладают: социоцентрические установки, межличностная коммуникация и взаимозависимая Я-концепция, большая направленность на коллектив; в интерпретации он учитывает контекст, стремится изменить себя ради окружающих. Главными ценностями в традиционной культуре являются: ценности коллектива и ценности авторитета. В поведении преобладают установка на равенство, небольшая социальная дистанция к группе; поощряются высокая коммуникабельность, установка на то, чтобы не быть обузой группе; наблюдаются включенность в ограниченное число групп, конформизм, авторитаризм; поддерживаются статусность, закрепленность. Не приветствуются споры внутри группы; поощряется жертвенность ради группы; в отношениях приоритет скромности, взаимозависимости, строгое выполнение статусных, ролевых правил, сподчинение; наблюдается, а иногда культивируется враждебность к “чужому”. В традиционных коллективах субъекты мало проявляют социальную леность, склонны к косвенным намекам, не прямой коммуникации. В конфликтной ситуации представители меньше конфронтуют, проявляют сотрудничество, под-

держку, используют интеграцию и компромиссы. Конечно, это усредненный психологический портрет субъектов традиции, однако он отражает общие тенденции в психологии субъектов традиционных культур. Коллективистские культуры ограничивают свободу человека рамками статусов, социальных положений, правилами группового взаимодействия. Индивидуалистические культуры склонны подчеркивать прерогативу личных свобод, но они также ограничены гражданскими обязанностями [36]. Нам представляется, что именно в описаниях крестьянской ментальности представлены характеристики традиционной субъектности селян: самодетерминация построена на нормах и правилах общины, саморазвитие деятельно-трудовое, цель которого поддержание жизнедеятельности общины, самоактуализация бытовая, самовыражение через изобретательство и выход в мир, самореализация через преданность общине [17].

По данным психотерапевтов [39, 40], основное давление на человека в современном мире оказывает не проблема сдерживания инстинктов, а проблема свободы. Возможности человека возросли, и он не знает, чего он хочет (В. Франкл, И. Ялом). В традиционной культуре жизненные программы уже заданы и, что делать, было понятно, но в этом и заключалось ограничение. Мы полагаем, что субъекты традиционной ментальности будут ограничены в реализации своей субъектности. При столкновении с новыми жизненными условиями, где необходимо проявлять себя без каких-либо ограничений, субъекты не могут сразу осознать, что же для них лучше. И. Ялом пишет, что сегодня «изменилась картина психопатологии... пациент жалуется, что в его жизни “чего-то недостает”... наша базовая природа не изменилась; можно сказать, что сегодня, с ликвидацией маскировавших свободу атрибутов, с упразднением налагаемых извне структур, мы стали ближе, чем когда-либо, к переживанию экзистенциальных фактов жизни. Но мы не подготовлены; нагрузка оказывается слишком велика; тревога мощно требует разрядки, и мы, индивидуально и социально, вовлекаемся в неистовый поиск защиты от свободы» [40, с. 251–252]. В этой связи можно предполагать, что в современных условиях у субъекта существует проблема реализации своей субъектности, но обусловленная не внешними традиционными запретами, а “конечными факторами” бытия человека в мире [там же, с. 12]. К конечным факторам бытия человека экзистенциалисты относят смерть, свободу, изоляцию, бессмысленность. Получается, что традиция защищала человека от решения этих экзистенциальных проблем. Экзистенциальные

психологи и философы предлагают несколько решений экзистенциальных проблем: деятельность во благо кого-то, творчество, самореализация, гедонистическое отношение к жизни, поиск смыслов во внешнем мире. Хотелось бы заметить, что эти выходы предлагали традиционные культуры, только во благо традициям. Вероятно, реализуя субъектность, коллективный субъект встречает очевидные препятствия; преодолевая их, он продвигается в развитии своей субъектности.

Субъектность включает все формы активности коллективного субъекта. Именно активность и ее формы подвергаются трансформации, поэтому трансформация ментальности может быть представлена как образование новой субъектности коллективного субъекта в новой социокультурной ситуации развития. Особенно это актуально для российского социума, где формируется новое постсоветское поколение.

“ПОТЕРЯ” ТРАДИЦИОННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

При социокультурных изменениях **“сужается граница субъектности”** [26]. Т.П. Емельянова пишет, что **“в условиях социальной нестабильности, порожденной общественной трансформацией, все большие социальные группы находятся в состоянии предсубъектности. Резкие изменения общественной психологии вследствие проведения социальных реформ способствуют повышению уровня субъектности групп за счет активизации в них процессов социальной категоризации, саморефлексивности и социального сравнения. Вследствие актуализации групповых потребностей и интересов отдельные социальные группы могут переходить на уровень реальной субъектности, проявляя коллективную активность”** [17, с. 11–12]. Таким образом, феномен изменения субъектности коллективного субъекта в изменяющихся социокультурных условиях выявляется различными авторами.

“Потерю” традиционной субъектности мы понимаем как временную потерю социальных ориентиров для реализации субъектности, приводящую к переориентации социально-психологических характеристик традиционной субъектности коллективного субъекта в современном мире. Первоначально традиционная субъектность формируется в предыдущие исторические периоды и именно в них начинает разрушаться. Еще Г. Лебон писал, что новые “идеи” не могут

завоевать “организованную толпу”, пока не умрут старые “идеи” [20]. О.Ю. Яхшиян пишет, что в XVIII в. произошел “социокультурный раскол”, заключающийся в том, что “в среде господствующего класса прижились и культивировались ценностные ориентиры, чуждые традиционным, которых придерживались крестьяне” [15, с. 376]. Это повлияло на качественное изменение ментальности господствующего класса. Следовательно, уже с XVIII в. можно говорить о возможности “потери субъектности” господствующим классом.

В последние годы эпохи социализма мало кто верил в ее основные идеи. Многие традиционные праздники социализма не воспринимались всерьез, как и его символы. Мещанские, частнособственнические ценности постепенно завоевывали субъектов СССР. Такая характеристика субъектности, как осмысленность жизнедеятельности субъектов СССР, открывала ложь и ханжество руководителей, занимавших важные посты. Уже не могли существовать смыслы победы коммунизма, суть которого заключалась в обмане людей. Возникла и проблема свободного волеизъявления. Особенно наглядно это продемонстрировала Афганская война: принуждение молодых призывников к участию в боевых действиях не могло не вызывать недовольства людей режимом. Труд, который декларировался как главная ценность строителя коммунизма, терял свое значение, поскольку не приносил реального удовлетворения многим работникам. Г.В. Митина показала в своем исследовании, что ценность “традиции” утрачена, и это прослеживается даже в результатах опросов старшего поколения. “Традиционный способ поведения сегодня уже не является символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания” [23, с. 114]. Таким образом, традиционные характеристики субъектности постепенно разрушались.

Первоначально в культурах с устоявшимися традициями человеку было ясно, как реализовать свой “личный проект” (Ж.-П. Сартр [33]). Традиции задавали социально-психологические ориентиры потребностей, создания, реализации, оценки и рефлексии личного проекта. С.М. Поздеева выделила основные признаки традиционного общества: господство традиций, цикличность развития, доминирование власти коллектива, особую форму социального времени, господство мифов и религиозных представлений, отношения по типу господства и подчинения, систему взаимных обязанностей, низкую мобильность. Традиционное общество строится на амбивалентных

ценностных ориентациях: Мы–Они, стыд–вина, эгалитаризм–иерархия. Основными добродетелями в среде традиционного общества выступают: благородство, смелость, справедливость, честь, щедрость, гордость и др. Труд ради накопления осуждается [17].

С уходом традиций исчезают традиционные социальные ориентиры [8]. Человеку необходимо самому создавать их, но при этом надо иметь критерии для создания самих ориентиров. Эта задача превращается в “дурную бесконечность”, которая может породить чувство отчаяния в человеке. “Потеря” традиций связана с тем, что в культуре, которую с позиции классических теорий представляли как устойчивую систему с явным центром и периферией, наблюдается децентрация. “Центр” культуры составляют “культурные константы” (С.В. Лурье) – обобщенные, коллективные сценарии. Эти константы становятся блуждающими и ситуативными, а порой и разрушаются. «“Центр”, меняя свое положение в зависимости от ситуации, “закручивает” вокруг себя социальное пространство всякий раз заново» [21, с. 78]. По мнению Э. Гидденса, В.В. Волкова, маргинальные практики переместились в центр культуры [13, 14].

В таком социуме свобода не имеет границ, пространства свободы пересекают друг друга, много свобод. В традиционной культуре свобода была ограничена необходимостью и была подконтрольна групповым нормам. Теперь сам человек выстраивает границы своей свободы. В такой ситуации с множественными разрешениями затруднен процесс принятия решения. Человек, оставшийся в пространстве традиционной психологии, ищет внешние ориентиры, поддерживающие критерии правильности принятия решения. А человека, принимающего решения на основе внутренних интернальных концептов, человек традиции оценивает как реактивного, безудержного. Эти два типа человека живут, сосуществуют в современном пространстве.

Однако, чтобы человек мог принимать решения на основе внутренних, независимых концептов, необходима развитая рефлексия, которая является центральной характеристикой субъекта определенной ментальности. Если в мире традиционной культуры, устоявшейся психологии форма, правила и рамки рефлексии задавались обществом, то теперь каждый имеет свою рефлексии, определяемую собственной точкой зрения, ожиданиями, притязаниями, позицией, жизненным проектом.

В традиционном Мире сам *Мир* и *Я* были рядоположенными. В современных концепциях (конструктивизм) *Я* и *Мир* конструируются па-

раллельно. В последних философских работах (В.С. Барулин) полагается, что *Я* и *Мир* подобны и структурно, и функционально, и онтологически [5]. Хотя мысль и рождена в древней восточной философии (философия Дао), *Мир* и *Я* предстают не статично, а постоянно меняются и реструктурируются (К. Бергер, Т. Лукман, Э. Гидденс, У. Бек, Л.Г. Ионин, В.В. Волков и др.) [7, 9, 13, 14, 18].

Если ранее преобразование мира и себя для субъекта имело четкие ориентиры в сторону прогресса, то теперь неясно, с каких позиций, критериев оценивать выбранный путь, стратегию жизни. Теряются ориентиры: куда бы человек ни двигался, разрушая или созидая, все входит в пространство жизни, все возможно. В традиционной культуре непредсказуемость, бесшабашность могли восприниматься негативно и интерпретироваться как личностная ущербность. В современной же мультикультурности это трактуется как возможность реализовать себя, даже в искаженной, эпатажной форме. В этом заложена онтологическая непредсказуемость мира, мира человека. Задача современного человека – научиться принимать непредсказуемость мира, подготовиться к ней. Отсюда идея “общества риска” (У. Бек [7]). Человек как субъект современного общества должен быть компетентным в стратегиях совладающего, преодолевающего поведения. Таким образом, характеристика “преобразование реальности субъекта” трансформируется в характеристику преодоления реальности посредством преодолевающего поведения, и в этом может реализоваться его творческий потенциал.

Само общество, по мнению У. Бека, потеряло свои определяющие “категории”. Размытость социальных категорий констатируют Г.М. Андреева [4], Е.П. Белинская [8], поэтому общество теперь называют (см., например, [4, 11]) “современность”, а ее главная категория – “неопределенность”. Согласно позициям Г. Триандиса, Г. Ховстеда, культуры делятся на толерантные к ситуации неопределенности и интолерантные к неопределенности [36]. Что же будут делать субъекты, интолерантные к неопределенности? По мнению В. Вельш, такие субъекты будут искать внутренние, «имманентные опоры для доопределения мира, например “имманентные схемы”» (см. по [6]). Однако это одна из форм защиты (психоанализ), избегания (гештальтподход) – интеллектуализирование. Очевидно одно, что субъектам таких культур будет чрезвычайно трудно справиться с принятием хаоса. (Это наглядно показывают события декабря 2005 г. во Франции, связанные с массовым вандализмом.)

«Пока общественное устройство воспринимается как нечто самоочевидное и естественное, защищающее меня... от ошибки, случайности и т.д., наличие социальных “табу” не тяготит членов общества. Но с наполнением исторических изменений они все более стесняют инициативу людей и вызывают недовольство. Вспомним “большой бунт” 1968 г. Франции, движение хиппи и битников и т.д.» [11, с. 91]. Тогда инициативное меньшинство своими провокационными действиями заражает и большинство, что поворачивает всех к изменениям и вносит коррективы в их ментальность.

Этому способствуют, по мнению Л.Е. Бляхера, Д.В. Иванова, смена и рост новых общественных практик в обращении с деньгами (безналичный расчет), в трудовых отношениях (нанять на работу по Интернету), в обращении с информацией, с еще не произведенными товарами, в доверии к невидимым специалистам, в обращениях со знанием и т.д. [11]. Современный мир характеризуется невидимыми сетями информации, что разрушает видимость, целостность образа мира субъекта. Такой мир со скрытыми коммуникациями и сетями информации безличен. К. Поппер назвал общество в подобном мире “абстрактным обществом”. Сегодня можно переписываться в Интернете с невидимым собеседником, который может создать себе виртуальный облик. Такое обезличенное общение теряет смысл продолженности своей субъектности в *Другом*.

В чем тогда будет саморазвиваться, самоактуализироваться и самореализовываться современный человек, подтверждая свою субъектность в мире, если весь мир, общество и *Другой* являются абстракциями? Ранее в традиционных культурах были объединяющие образы жизни. Сегодня они распались на индивидуальные “стили жизни” (Л.Г. Ионин, К.А. Абульханова-Славская). Чтобы сформировать свой стиль, субъекту культуры необходимо мнение “экспертов”, которые знают, что и как делать (Э. Гидденс). Такие эксперты обладают “социальным знанием” и могут реструктурировать неопределенные параметры ситуации в определенные. К ним можно отнести в западном мире психотерапевтов, личных врачей, адвокатов, юристов, банкиров и т.д. Сегодня цель реализации субъектности как преобразования жизнедеятельности в мире трансформируется в преодоление жизнедеятельности в изменяющемся мире при условии его принятия.

В стабильных условиях все субъектные характеристики имеют смысл. В ситуации “социального хаоса” (Л.Е. Бляхер), неопределенности,

неравновесности характеристики традиционной субъектности теряют смысл для человека. Они оказываются невостребованными. Неудовлетворенными становятся экзистенциальные потребности (в любви, в ответственности, в существовании, в преодолении одиночества, преодолении страха смерти и т.д.). Это ведет к чувству пустоты. В. Франкл назвал такое состояние человека “экзистенциальным вакуумом”.

Самым важным в экзистенциальном вакууме является то, что *Я* не понимаю, насколько *Я* важен и понятен *Другому*. Это ведет к дезинтеграции *Я*-концепции, к утрате самоидентификации. Поэтому человек все меньше может реализовать свое *Я* для *Себя* и *Другого*. Остается непонятным, кто есть *Я*. Теряет смысл существование *Я* для *Себя* и *Других*, которые не понимают и не принимают *Я*. Система ценностей становится подвижной. Стандарты и нормы поведения теряют смысл, нивелируются. Сегодняшнее становится неподлинным.

Я-концепция включает в себя социальную и приватную идентичности. Социум теряет свои категориальные ориентиры, поэтому социальная идентичность скорее не определена, чем определена (Г.М. Андреева [4], Т.Г. Стефаненко [35]). Приватная же идентичность напрямую связана с отношениями к *Другому*. Поскольку отношения не ясны, то и приватная идентичность остается недоконструированной. В такой ситуации неопределенности человек может воспользоваться несколькими копинг-стратегиями. Наиболее значимой может быть стратегия *постановки цели*. Именно в достижении этой цели, пусть даже небольшой, можно осмыслить свои отношения с *Другими* и построить социальные ориентиры для собственного жизненного пространства, объединить вокруг себя единомышленников, хотя бы ненадолго. В эти мгновения можно оставаться подлинным.

Традиционные культуры стимулируют открытость и большую публичность своего *Я*, что помогает человеку подстраиваться к типичному в обществе. Современность, наоборот, провоцирует человека к закрытости (“синдром улитки” – подавление публичного *Я* приватным). Закрываясь, человек стремится сохранить свое *Я*. По всей видимости, наличие в обществе типичного сохраняет и личное. Уходит из жизни типичное вместе с традициями, будоража личное. Приватность наблюдается также в социальных группах, которые пытаются сохранить срок своей жизнедеятельности только “капсулированием” (В.С. Мухина [24]). В таких группах повышается внешняя агрессия

за счет подавления внутригрупповой агрессии (А.А. Налчаджян [25]). Не всегда это сохраняет целостность группы.

Общество постепенно привыкает к временным “групповым солидарностям”, которые, повзаимодействовав, быстро исчезают. Это нарушает образование “цепей” привязанности, не успевают создаться дружественные пары. Однако Л.Е. Бляхер утверждает, что и такие временные, “виртуальные страты”, “виртуальный социум” позволяют субъекту воссоздать интерсубъективную реальность, наглядность социального мира, образ мира и начать в нем жить [11, с. 133].

Все эти новые вехи нетрадиционной субъектности довольно сильно напоминают особенности карнавальской культуры, описанной М.М. Бахтиным: «Карнавальная же жизнь – это жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере “жизнь наизнанку”, “мир наоборот” (“*monde a l’envers*”). Законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной, то есть внекарнальной, жизни, на время карнавала отменяются: отменяется прежде всего иерархический строй и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т.п. ...» [6, с. 158].

Присутствуют ли в таком виртуальном мире конституирующие ментальность ценности, смыслы, значения? По мнению ученых, в хаотическом социуме отсутствуют ценности, их предмет, но их заменяют представления о ценностях (см. по [11]). Смысл ценностей не утерян, он активно позиционируется. Обращаясь к традиционным ценностям, социум пытается сохранить свое идейное единство. «Транслируется смысл, которому приписывается ценность: в этой “маске” смысл и является сознанию» [6, с. 137]. Значение становится “кодом” смысла. Следовательно, благодаря трансформации субъектности человека в ментальности формируются ценностные представления, смыслы и коды. Но это уже скорее виртуальная ментальность.

Подтверждает вышесказанное [29] проведенное нами исследование в городах Ростове-на-Дону и Сальске (июнь 2006 г. – май 2007). Объектами исследования выступили студенты (750 чел.). В результате применения авторского опросника [28] были получены следующие результаты: в группе студентов инновационная ментальность обнаружена у 47%, переходная – у 27%, традиционная – у 23%, постинновационная – у 3%. Таким образом, у молодого поколения наблюдается отход от традиций. Наши результаты можно сопоставить с данными исследования В.И. Тюпы (октябрь 2001 г.) на выборке Томского региона

(1507 чел.), показавшими преобладание конвергентной ментальности (диалогичной, с доминированием ответственности за *Себя* и *Других*) [37, с. 158]. Эти данные расходятся с полученными в нашем исследовании.

В.Е. Семенов [34] выделил (март 2000 г.) среди молодежи Петербурга коллективистско-социалистическую ментальность (29.3%); православную ментальность (52.6%) – по нашей классификации их можно отнести к традиционному типу ментальности; западно-капиталистическую ментальность (5.8%) – по нашей классификации ее можно отнести к инновационному типу ментальности. Как видим, наблюдается явный перевес традиционной ментальности. То есть результаты наших исследований ментальности молодежи отличны от представленных данных. Возможно, это свидетельствует о динамике типов субъектности поколений. Вероятно, в этом проявляется региональная специфика ментальности.

Таким образом, хаотический мир нарушил определенность целей, этапности, способов реализации субъектности человека; центр культуры стал блуждающим; границы свободы нарушились; исчезли внешние критерии оценки, рефлексии мира; мир оказался опутанным информационными сетями; происходит виртуализация общества; отмечается временность групповых образований. “Потеря” традиционной субъектности человека, коллективного субъекта, включает: утрату традиций, традиционных социальных категорий, идентичности, границ жизненного пространства, ориентиров саморазвития, смыслов; распад образа мира; наблюдается подвижность ценностной иерархии; значения становятся ведущей системой; отмечается: возрастание депривации; стремление к закрытости, приватности жизни; принятие временности групповых образований; акцентирование способов принятия изменений мира. “Потеря” традиционной субъектности является тем феноменом, который перестраивает всю систему ментальности поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субъектность мы определили как способность и возможность субъекта превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Исходя из перечисленных характеристик субъектности, предполагаем, что традиционная субъектность ограничена нормами и правилами. Реализуя субъектность, коллективный субъект встречает очевидные препятствия. Преодолевая их, он продвигается в развитии

своей субъектности. Субъектность включает все формы активности человека и коллективного субъекта. А поскольку именно активность и ее формы коллективного субъекта подвергаются трансформации, то она может быть представлена как образование новой субъектности коллективного субъекта в новой социокультурной ситуации развития. Представленные характеристики субъектности претерпели, на наш взгляд, изменения в связи с переориентацией современного мира.

Хаотичный, изменяемый мир приводит к “потере” традиционной субъектности. “Потеря” традиционной субъектности поколениями – феномен трансформации ментальности. “Потеря” традиционной субъектности человека, коллективного субъекта ведет к смене типа ментальности поколений. Поколения, ориентированные на социальные элементы культуры советского периода, теряют контроль над жизненной ситуацией. Находясь в новой социальной ситуации, они не могут предугадать поведение других людей и повлиять на их поведение, теряют возможность приобретать некоторые ресурсы, получать социальную поддержку и уверенность в контролируемости ситуаций. Группа современников – представители постсоветской ментальности идентифицируются с инновационной, конкурентной личностью, принимают новые культурные элементы, приобретающие определенную привлекательность, и формируют навыки социального поведения, адекватного новой социокультурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности: избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 1999.
2. *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Предисловие // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 6–33.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Состояние современной психологии: субъективная парадигма // Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2005. С. 428–450.
4. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 1996.
5. *Барулин В.С.* Социальная философия: В 2 ч. М.: Изд-во МГУ, 1993. Ч. 2. С. 83.
6. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
7. *Бек У.* Общество риска. На пути к другой модели современного мира. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
8. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2001.
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
10. *Блок М.* Апология Истории (или Ремесло Историка). М.: Наука, 1973.
11. *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005.
12. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: В 3 тт. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
13. *Волков В.В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
14. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
15. Дискуссия Ю.П. Бокарева и О.Ю. Яхшиян: Сокращенная стенограмма международной научной конференции “Менталитет и аграрное развитие России” // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 14–15 июня 1994. Отделение истории РАН. Институт российской истории РАН. М.: Росспэн, 1996. С. 375–376.
16. *Дюби Ж.* История ментальностей // Историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РАН, Ин-т всеобщ. истории и Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1996.
17. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2006.
18. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1996.
19. *Ким У.* Культура, наука и этнокультурная психология: комплексный анализ // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. С. 98–134.
20. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
21. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997.
22. *Мельникова М.И.* Крестьянская ментальность как архетип русской души. Ставрополь: ЮРКИТ, 2006.
23. *Митина Г.В.* Особенности изменения менталитета в современном российском обществе личности: Дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2005.
24. *Мухина В.С.* Развитие межнациональных отношений – основа формирования самосознания личности // Просвещение на Крайнем Севере. СПб., 1992. Вып. 25.

25. *Налчаджян А.А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000.
26. *Петров И.Г.* Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 112–130.
27. *Петровский В.А.* Личность: феномен субъектности. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1993.
28. *Пищик В.И.* Трансформация ментальности: системный подход. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.
29. *Пищик В.И.* Трансформация ценностно-смысловых составляющих менталитета населения юга России // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 81–91.
30. *Поздьяева С.М.* Социальная антропология. Уфа: РИО БамГУ, 2004. С. 59–63.
31. *Садохин А.П.* Этнология. М.: Гардарики, 2001.
32. *Сайко Э.В.* Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно-историческом выполнении пространственно-временного континуума социума // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 13–42.
33. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политическая литература, 1989. С. 319–344.
34. *Семенов В.Е.* Современная российская полиментальность и ментальные типы молодежи // Ментальность россиян провинции: Сб. материалов IV Всероссийской конф. по исторической психологии российского сознания. 1–2 июля 2004 г. Самара: Изд-во СГПУ, 2005.
35. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
36. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
37. *Тюпа В.И.* Диагностика ментального кризиса // Мир России. 2002. № 1. С. 153–165.
38. *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991.
39. *Фромм Э.* Мужчина и Женщина. М.: АСТ, 1998. С. 235–236.
40. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.

“THE LOSS” OF GENERATIONS’ TRADITIONAL SUBJECTIVITY AS THE PHENOMENON OF MENTALITY TRANSFORMATION

V. I. Pishik

PhD, assistant professor, head of psychology chair, head of “Humanitarian technologies in business and management” project, PEI HPE Institute of management, business and law, Rostov-on-Don

The author’s view on transformation of generations’ mentality by the collective subject is presented. Characteristics of traditional subjectivity are analyzed. Assumption that innovative subjectivity takes its place in the present-day society is grounded.

Key words: transformation, mentality, subjectivity, traditional/innovative subjectivity, the loss of traditional subjectivity, soviet, post – soviet generation, collective subject.